утекоша из монастыря в Муромь». В Муром же «к великого князя детем посла князь Дмитрей по них Иону, владыку Рязаньскаго ... повеле их взяти владыце на свою душю на том, что в заточение их не послати ... И взят их Иона владыка у Пречистые из пелены во соборной церкве на свои руки, на всем добре, что не учинити им никакова зла».[4]

Тот же эпизод о спасении детей великого князя Василия Васильевича, среди них будущего московского государя Ивана III, передается несколько подробнее в Воскресенской летописи. Там говорится о том, что «дети великого князя пришед сели в Муроме с многими людми», что владыка Иона «вшед в церковь начат молебен пречистые, и съвръшив молебнаа и взят их ис пелены у пречистые на свой патрахель».

Подробно (в основном так же, как в Воскресенской, Ермолинской, Софийской II летописях) повествуется об этом событии и в Московском летописном своде конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV). Здесь мы читаем под тем же 6954 г. о том, что после того как великий князь Василий был схвачен Шемякой, «си же великого князя сынове, Иоан и Юрьи, в ту же нощь побегоша из монастыря с оставившими с ними людьми, кои ухоронишася, и прибегоша ко князю Ивану Ряполовъскому в Юрьев, в село его Боарово. Князь же Иван с своею братьею, с Семеном и з Дмитреем, и с всеми людми своими бежаша с ними к Мурому и тамо затворишася со многыми людьми ... А князь Дмитреи услышав, что дети князя великого пришед сели в Муроме со многыми людьми, и не восхоте на них посылати, боася, поне же бо вси людие негодоваху о княженье его, но и на самого мысляху, хотяще великого князя Василья на своем осподарьстве видети. Князь же Дмитреи умыслив сице: призва к себе епископа Рязаньского Иону на Москву и пришедшу ему обеща ему митрополью и начат глаголати ему: „Отче, что бы еси шел в свою епископью, в град Муром и взял бы еси дети великого князя на свою патрахель, а яз рад их жаловати, отца их великого князя выпущу и отчину дам доволну, как мочно им быти с всем". Владыка же Иона поиде к Мурому в судех и с теми речми княжими Дмитреевыми прииде в Муром и начат говорити речи его боаром великого князя детеи, трем князем Ряполовъскым, и прочим с ними. Боаре же много о том думавше мыслиша себе сице: „Аще мы ныне святителя не послушаем, не поидем ко князю Дмитрею с сими великого князя детми, и он пришед ратью город возмет и сих поимав, что хощеть, то сътворить им, тако же и отцю их великому князю и нам всем, и во что будет крепость наша не послушавше сих глагол святителевых". И рекоша Ионе владыце: „Аще пришел еси с сими глаголы ото князя Дмитреа к нашим государем, великого князя детем, да и к нам, но мы сего собою не дръзнем сътворити, что отпустити нам с тобою детеи великого князя без крепости, но вшед в соборную церковь Рожества пречистые ис пелены на свою патрахель, и так отпустим их с тобою и сами с ними идем". Владыка же Иона обещася тако сотворити и въшед в церковь начат молебен пречистой и съвершив молебнаа взят их ис пелены у пречистые на свою патрахель и поиде с ними ко князю Дмитрею в Переславль, тамо бо тогда ему сущу». Как известно, основная часть летописных статей 1425—1463 гг. Московского летописного свода 1472 г. «была составлена по указанию Василия Темного, пожелавшего отметить в своем летописце всех своих сторонников, всех помогавших ему в трудных обстоятельствах его княжения».[5] Часть эта вошла затем во все последующие официальные москов-

---

[4] ПСРЛ, т XXIII, стр. 152.

[5] Д. С. Лихачев Русские летописи и их культурно-историческое значение М.—Л, 1947, стр. 347.